

УДК 323

Теплоухова М.В.

Этно-национальная политика в Российской империи XIX – начала XX вв.

Ethnic and National Politics of the Russian Empire in the XIX – beginning of XX

В статье рассматриваются основные этапы и направления реализации этнической политики в Российской империи. Раскрывается содержание политики гибкого прагматизма и русификации. Делается вывод о противоречивости этнической политики в России начала XX в.

Ключевые слова: *Россия, империя, этнос, нация, этно-национальная политика*

The main periods and directions of ethnic politics in Russian empire of the XIX – beginnings XX centuries are regarded in this article. Politics of flexible pragmatism and russification are characterized in it. The conclusion was made on the controversial character of ethnic politics in Russia in the beginning of the XX century.

Key words: *Russia, empire, ethnos, the nation, the ethno-national policy*

К концу XIX в. Российская империя оформилась как полиэтничное государство. По данным 1899 г. русские составляли 72,5% населения страны. Среди других наиболее крупных этнических общностей можно отметить: финнов (6,6%), поляков (6,3%), литовцев (3,9%), евреев (3,4%), татар (1,9%), башкир (1,5%), немцев (1,3%), шведов (0,4%), киргизов (0,2%), калмыков (0,1%), греков (0,06%), болгар (0,05%), армян (0,05%) и др. [1, с. 297]. Несмотря на многообразие представленных в ней этнических общностей, проявления противоречий и столкновений между ними, этно-национальная политика как самостоятельная область внутренней политики государства стала формироваться достаточно поздно. Так, многие факторы, определившие ее возникновение, проявились лишь во время перестройки и последующего за ней периода. Подобная преемственность свидетельствовала о том, что истоки ряда современных этнических проблем Российской Федерации следует искать в ее далеком историческом прошлом.

Опираясь на вышеизложенное, своей целью в данной работе ставим проанализировать систему управления межэтническими отношениями дореволюционного этапа России и тем самым определить и выявить процессы, ставшие основанием для выработки базовых принципов национальной политики советской России. В связи с этим основными за-

дачами работы являются следующие:

- определить модели взаимодействия государственной власти и этнических групп внутри страны;
- рассмотреть содержание основных документов в сфере управления «малыми народами» изучаемого периода;
- проанализировать семантические основания трансформации концепта «нация»;
- выявить факторы, инициировавшие модернизацию национальной политики на рубеже XIX-XX веков;
- проследить динамику изменения содержания программ управления межнациональными отношениями в Российской империи.

Сложившиеся в течение обозначенного периода нормы и практики урегулирования межэтнических взаимодействий связаны с двумя основными фазами развития, отражающими качественно различные системы представлений на проблему управления разными народами империи. Первая фаза может быть определена как традиционная, вторая – как модернизированная.

Традиционные паттерны российской этнической политики до начала XIX в. основной целью ставили поддержание внутренней и внешней безопасности государства. В том случае, если возникала непосредственная угроза со стороны одной из этнических общностей, власть прибегала к форсированным действиям с использованием военной силы. Если же нерусские элиты выражали лояльность к государю и поддерживали социально-политическую стабильность, первые получали определенные привилегии и интегрировались различным образом в государственную систему. Политика гибкого прагматизма и религиозной веротерпимости приносила неплохие плоды. Однако межэтнические взаимоотношения стали рассматриваться как объект политики (а не только бытовых и экономических связей) сравнительно поздно. Так, фактически первым свидетельством признания существования этой проблемы в управленческом контексте можно рассматривать Устав об управлении инородцами – официальный акт Российской империи, подготовленный в 1822 г. известным реформатором, а затем генерал-губернатором Сибири М.М. Сперанским. Под «инородцами» в документе понимались аборигенные общности Сибири, которые разделялись на «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Подобное разделение определяло административный и правовой статус соответствующих групп населения. Бродячие и кочевые общности были уравниены по вопросу налогообложения с государственными крестьянами, сохраняя при этом свои внутренние порядки в «образе управления». Оседлые аборигены были полностью приравнены к государственными крестьянам. При этом Устав предусматривал постепенный переход бродячих и кочевых инородцев к оседлому образу жизни и, как следствие, полное уравнивание их в правах с русскими крестьянами, исключая отношение к военной службе [7]. Фактически, документ обобщал и систематизировал опыт, накопившийся в административной практике управления коренным населением Сибири. В частности, разработчики документа постарались принять меры, которые бы регламентировали вмешательство чиновников в аборигенное самоуправление («степное управление»). Планировалось также предотвращение других злоупотреблений, упорядочивание взимания податных сборов, ограничение полномочий высших представителей местных органов власти учреждением коллегиальных «степных дум» [7]. Однако принятие Устава имело несколько иные последствия в силу опоры правительства и местных администраций на «степную аристократию». Степные думы, родовые управления превратились в коллегии нойонов, которые использовали аппарат «степного управления» для обеспечения своих экономических и

политических целей. Постепенно же термин «инородцы» получил более широкое значение и стал применяться для обозначения всего нерусского населения империи [6, с. 209].

Следующим знаковым моментом в процессе формирования основ этно-национальной политики России можно считать программу министра народного просвещения, графа С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность». Истоки его идей связаны с философией Просвещения и идеализма. Уваров настаивал на том, что самодержавие и личность самодержца являются создателями и оплотом российского государства и в таком качестве «необходимым условием существования Империи» [2, с. 72]. Православие рассматривалось министром не в терминах божественного откровения, а исключительно как «залог счастья общественного и семейного»; русский, преданный своему Отечеству, «столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего православия, сколь на похищение одного перла из венца Мономаха». Собственно русскую нацию Уваров определял не как этнос, но как сообщество, объединенное свойством безграничной преданности своим властителям, что и отличало русских от западных народов, развращенных философией Просвещения [3, с. 148].

Современные исследователи по-разному оценивают уравновешенность и сбалансированность составляющих триады. Так, А. Зорин трактует включенные в нее православие и самодержавие исключительно утилитарно, придавая основное значение идее народности. В качестве аргумента этот автор указывает на то, что во французских оригиналах текста Уварова само слово народность фигурирует как *nationalité*. В данном контексте надо понимать, что оно выступает как интегрирующее понятие, объединяющее все многообразное население в одну единую нацию в политическом, но не этническом смысле [4].

Национальная политика Российской империи в конце XIX в. претерпела первые серьезные изменения, которые стали ответом на ключевые вызовы этого времени и заложили основы модернизации в данной сфере. К числу новых факторов, которые ставили под вопрос основополагающие принципы существования династического самодержавного полиэтнического государства, можно отнести следующие:

1. Неизбежная после проигранной Крымской войны и необходимая установка на модернизацию России, в том числе административная систематизация и унификация государственного и общественного устройства страны.

2. Волнения среди нерусских этнических общностей, которые рассматривались как прямая угроза для стабильности и единства Империи.

3. Проявления национального самосознания части русского общества.

4. Изменения, происходившие в Европе, где была уже опробована и получила развитие модель этнически однородного национального государства [5, с. 182].

Российская политика оказалась под влиянием этих новых факторов, которые соответствовали внутренним тенденциям к интенсификации административной, социальной и культурной интеграции общества. В результате взаимодействия этих обстоятельств в конце XIX в. формируется политика культурно-языковой русификации. Однако если признать, что все населенные нерусскими западные области страны стали в конце XIX в. объектом политики форсированной интеграции, остается неясным – можно ли говорить о существовании единой национальной политики применительно к этому периоду. Меры подобного рода применялись к разным этническим общностям со значительным временным

интервалом. Мотивы, мера и интенсивность нивелирования конкретных регионов под общероссийский уровень также были неодинаковы. Следует учитывать сохранение важного правового различия, которое существовало между «природными» подданными России и особой категорией инородцев. Если первых коснулись все проводимые реформы, то в отношении вторых проводилась политика невмешательства, которая позднее превратилась в противоположную курсу на интеграцию политику сегрегации и дискриминации. Эти различия соответствовали прежде всего степени развития антироссийских движений. Так, наиболее жесткие меры по форсированию интеграции использовались в Царстве Польском, на Украине, в Литве и Белоруссии. Репрессии здесь были направлены в первую очередь против католического духовенства, которое обычно выступало опорой движений сопротивления. Высокое значение также придавалось обязательному внедрению в государственную службу, официальное делопроизводство, систему образования русского языка, а позднее (после 1876 г.) – установлению запрета на печать на местных языках [5, с. 188].

Обращение к статусу двух немаловажных частей Империи, – Польши и Финляндии, – дает возможность проследить очевидный дисбаланс в структуре государства, поскольку именно эти субъекты располагали автономией и собственными конституциями. Вполне очевидно, что подобные отношения между центром и регионами создавали условия для сохранения этнической самобытности населения национальных окраин. Что касается юго-восточной части страны, то здесь сложилась несколько иная ситуация, так как представленные здесь этнические общности отличались многообразием в языковом, религиозном, культурном, социальном и экономическом отношении. Поэтому и российская политика по отношению к ним не могла быть единой. Однако заметим, что и здесь проявились тенденции к усилению централизации, интеграции и культурной русификации, но меры и способы, при помощи которых они реализовывались, существенно отличались.

Концептуальную основу имперской этнической политики на юго-востоке России в значительной степени составила так называемая «методика Ильменского», предложенная в 1846 г. [8, с. 428]. Николай Ильменский, ученый-востоковед, был хорошо знаком с языком и обычаями волжских татар, башкир, казахов, туркмен, а также с центрами исламской культуры на Ближнем Востоке. Он предложил идею интеграции полиэтнического населения на основе православной веры с помощью проповедей и обучения на родных языках конкретных общностей. Конечной целью такого образования предполагалось обрусение инородцев и полное их слияние с русскими. Для формирования новых элит, на которые могла бы опереться Россия, в Волжско-Уральском регионе, в Сибири и Казахстане были созданы многочисленные школы с преподаванием на местных языках. Кроме того, Ильменский и его соратники создали на основе кириллицы алфавиты для многих оставшихся до этого времени бесписьменных языков. Несмотря на то, что, в отличие от западных территорий, на юго-востоке правительство полагалось на более гибкие меры интеграции, во второй половине XIX в. и здесь усилились ассимиляторские тенденции и европоцентристские предрассудки.

Со второй половины XIX в. начинается ускоренная интеграция Закавказья и Северного Кавказа в Российскую империю. Она выразилась преимущественно в репрессивных мерах против армяно-григорианской церкви, вытеснении вплоть до полного запрета грузинского языка и др. Эти меры вызвали активное сопротивление со стороны грузин, вставших на защиту родного языка, словесности и культуры. Необходимость нормализации положения в Грузии отодвинула на время проведение ана-

логичных мер в Армении.

Результаты новой, направленной на ускоренную интеграцию нерусского населения политики, оказались амбивалентны. С одной стороны, предпринятые меры позволили обеспечить внутривнутриполитическую стабильность путем замораживания развития национальных движений многих иноэтничных групп. С другой стороны, именно политика русификации и дискриминации неправославного населения принесла свои отрицательные результаты. Здесь, прежде всего, следует отметить мобилизацию против такой политики и Российского государства не только элит, но и широких слоев населения в Польше, Литве, Финляндии, Армении и Грузии. Несмотря на то, что меры унификации несколько ослабили элиты национальных окраин, но все же периферия смогла в значительной степени сохранить свою этническую самобытность. Приведенные и некоторые другие обстоятельства создавали благоприятную почву для разжигания этнических конфликтов после вступления страны в революционный период. Уже в начале XX в. в западных областях России прокатилась волна недовольств и локальных этнических чисток, которые стали первым симптомом последующих событий.

Революция 1905 г. придала мощный импульс разворачиванию освободительных движений в Российской империи. Под давлением революционных сил правительство было вынуждено отказаться от репрессивной ассимиляторской политики и вновь вернуться к прежнему курсу гибкого прагматизма. Перемены в этнической политике выразились в следующих акциях:

1. Были отменены некоторые запреты на развитие языка и культуры национальных окраин. Например, в Литве было разрешено печатать издания на литовском языке латинским шрифтом.

2. В 1905 г. был принят Указ о веротерпимости, который, хотя и подтверждал доминирующее положение православной церкви, устранил дискриминацию в отношении остальных конфессий.

3. Правительство пошло на уступки в сфере языковой политики.

4. В Манифест 17 октября наряду с общими гражданскими правами и свободами было включено положение о праве на создание национальных организаций, развитие национальных связей и агитации [5, с. 245].

Националистические движения в стране теперь получили более благоприятные возможности для распространения своих политических программ. С этого периода отмечается рост числа партий и объединений националистического толка; стала издаваться масса газет и других изданий на разных языках, чаще стали появляться манифесты, призывавшие к освобождению от национального гнета. После поражения революции 1905 г. ее основные завоевания были в основной массе отменены во время нового периода реакции. И все же взрыв смеси социального, политического и этнического «горючего» продемонстрировал значение и потенциальную роль националистических движений. Не случайно, большевики учли этот опыт и сделали ставку на угнетенные национальные меньшинства как союзника пролетариата в готовящейся социалистической революции.

Процессы, протекавшие в последние десятилетия существования Российской Империи, стали прародительницей всей дальнейшей этнонациональной политики советской эпохи. Фактически, социально-политическое сознание народа оказалось не готово к новым сценариям взаимодействия внутри государства. Также и предлагаемые теории не только не учитывали всех нюансов прежнего взаимодействия власти с конкретной этнической группой, но часто были и вовсе узконаправленными, ориентированными на одну конкретную национальную общность.

Общей же чертой всех программ был фактический отказ от собственной культуры в пользу православного восприятия мира, характеризующего национальное большинство.

До начала первой мировой войны российская этно-национальная политика оставалась крайне противоречивой и непоследовательной. Тяготы военного времени еще более усугубили положение в стране, вызвав обострение социального и политического напряжения. Новый взрыв в феврале 1917 г. привел к подъему освободительного движения народов страны. Дальнейшее развитие событий привело к реализации большевистского решения национального вопроса в России, которое заложило основу национальной политики Советского Союза.

Литература

1. Бразоль Б.Л. Царствование Николая II (1894-1917) в цифрах и фактах. Минск, 1991.
2. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I. // Река времен. Вып. 1. М.: Эллис Лак, 1995.
3. Зорин А. Идеология «православия-самодержавия-народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1996. № 26.
4. Зорин А. Кормя двуглавого орла. М.: Новое Литературное Обозрение. 2001.
5. Кашпелер А. Россия – многонациональная империя. М.: Традиция. Прогресс Традиция. 2000.
6. Кэмпбелл Е.И. Единая и неделимая Россия и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М. 2001.
7. Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. // Электронная библиотека Института этнологии и антропологии РАН. URL: <http://www.iea.ras.ru/topic/law/law/law-r22071822htm> [Дата обращения: 24.04.2011]
8. Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. vol. 53. № 2.